

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О Б З О Р Ы

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Крестовые походы, как одно из выдающихся событий средневековой истории, издавна привлекали внимание русских историков. Интерес к этой теме вызывался в разное время и у разных ученых неодинаковыми причинами. Однако его возникновение и сохранение на протяжении более или менее длительных отрезков времени в конечном счете обуславливались факторами идейно-политического порядка и находились в теснейшей связи с внутренней и, особенно, внешней политикой российского самодержавия.

В настоящем обзоре автор ставит перед собой задачу проанализировать в хронологическом порядке работы русских ученых XIX в. по истории крестовых походов, выявить то ценное, что они дали в этой области истории средних веков, и в то же время оттенить их слабые стороны и недостатки, показав связь того и другого с развитием общественно-политической мысли, в частности с политическими тенденциями, в значительной степени обуславливавшими эволюцию историографии крестовых походов.

* * *

Впервые интерес к истории крестовых походов средневековья возник в России в начале 20-х годов XIX в. Непосредственным выражением этого было издание в переводе на русский язык классической по тем временам многотомной монографии романтика Ж. Ф. Мишо «История крестовых походов». О причинах, обусловивших появление этого труда на русской почве, ясно свидетельствует вводная статья автора русского перевода И. Бутовского — «Сравнение крестовых походов среднего века с священной бранью текущего столетия»¹. Бутовский решил сопоставить крестовые походы XI—XIII вв. и войны коалиции европейских держав против империи Наполеона I. Переводчик уподоблял эту, как он называл ее, «священную брань текущего столетия» крестовым походам «среднего века» и противопоставлял обе группы событий. Будучи убежденным монархистом и реакционером², Бутовский проводил свою совершенно антиисторическую параллель единственно для того, чтобы прославить Александра I, представив его в духе официальной русской историографии начала XIX столетия как великого, «бедами непобедимого» монарха, избавившего народы Европы от «постыдного ига на-

¹ См. История крестовых походов. Сочинение Ж. Мишо, члена Академии Французской. С географической картою Малой Азии, планами Антиохии и Иерусалима. Перевел Иван Бутовский. Часть первая, содержащая в себе повествование Первого крестового похода. СПб., 1822, стр. I—XX XIX.

² Французскую революцию он определял как «ужаснейшее скопище неистовств, кои унижают и посягают на человеческое достоинство» (там же, стр. XII), взятие Парижа союзными войсками в 1814 г. и восстановление на французском престоле Бурбонов с явным торжеством называл «решительным и смертельным ударом Французской революции — сему свирепому чудовищу, в продолжении двадцати пяти лет изливавшему яд свой на всю Европу» (там же, стр. XIX), а в основании Священного союза видел «драгоценный памятник высокого правдолюбия и царственных доблестей трех монархов, одинаково одушевляемых любовью к общему благу и к человечеству» (там же, стр. XXVIII).

полеоновской Франции»³. Венцом льстивого и напыщенного панегирика «августейшему вождю царей» в статье Бутовского было сравнение российского самодержца и его царственных союзников по войне с Наполеоном I — государей Пруссии, Австрии и прочих — со средневековыми крестоносцами. Автор именвал своих коронованных героев «высокими поборниками креста» и «новыми крестоносцами»⁴ и писал, что «отчизна Петра Великого восстала и двинулась за царя и за церковь»⁵. Прибегая к такого рода сравнениям, прикрывавшим реакционные цели внешней политики самодержавия и Священного союза, Бутовский исходил из само собой разумевшегося представления о крестовых походах средневековья как о религиозных по своим непосредственным причинам и задачам войнах: «Предмет, или, лучше, предлог крестовых походов, — писал он, — был, конечно, важный и священный, — отражение гроба господня из рук иноверцев, распространение христианства и просвещение в той стране, которая была колыбелью нашей веры»⁶. Великая «брань текущего столетия», завершившаяся победой благодаря «благоразумию и твердости венценосных предводителей» Севера, и прежде всего Александра I, «первого виновника сего спасительного избавления», эта брань, по мысли автора, тоже была предпринята исключительно ради высоких целей: «водители новых крестоносцев» боролись «за церковь и законные престолы»⁷. Сравнивая далее задачи, характер и результаты крестовых походов и недавно закончившейся «священной войны» с Наполеоном I, Бутовский приходил к выводам, в которых отдавал полное и явное предпочтение «брани текущего столетия». Она со всех точек зрения, полагал он, выгодно отличается от крестовых походов. У средневековых крестоносцев «к великой цели присоединилось множество посторонних намерений, и притом таких, кои были совершенно чужды для блага веры»⁸, тогда как, оказывается, «Александр, вооружая россиян на священную брань, был чужд всякого завоевания»: предметом его попечений было «одно только спокойствие Европы, одно благоденствие самой Франции»⁹. И тогда, и теперь, заявляет Бутовский, «народы воспринимали оружие за угнетенное человечество в странах, от них отдаленных»; но одни, рыцари-крестоносцы, «по мере успехов оружия возмечтали о распространении владычества своего», а другие, современные крестоносцы, совершали свои подвиги только во имя спасения народов. Там «распри полководцев и не весьма строгие нравы рыцарей подавали нередко соблазнительный пример для воинства; здесь дружба и единопутные торжественно являлись в поступках каждого, и в лице Александра видели новые крестоносцы высочайший образец всех воинских и гражданских добродетелей. Те и другие названы освободителями народов; но какое различие в образе сего освобождения! Франки беспрестанно предавались грабительству и насилию всякого рода, и поступки их едва ли могли быть извиняемы духом того времени. Россияне, напротив, спокойные и кроткие в победоносных походах своих, были скорее возжеланными гостями, нежели отяготительными пришельцами для французов...»¹⁰. В таком же панегирическом по отношению к царю и его деяниям плане автор сравнивает и последствия священных войн средневековых и новых крестоносцев. Он отдает должное «победам Годфреда», которые, по его мнению, «содействовали расширению промышленности, торговле, возрождению наук»¹¹. Но гораздо более важны, подчеркивается в статье, победы, достигнутые в «новой священной брани»: они не только «оживили стесненную на твердой земле торговлю уничтожением континентальной системы, ободрили и дали новое движение просвещению», но и — что еще более существенно, по мнению Бутовского, — возвратили «народам гражданскую свободу, державам самостоятельность, государям престолы». В результате победоносных подвигов «новых крестоносцев» «низложен враг общего спокойствия; ослепленные победами франки снова покорены законному правлению Бурбонов; вера и благочестие возвратились с прежнею силою у народов, доколе попиравших оныя»¹².

Итоговый вывод всех этих рассуждений сводится к тому, что если средневековые брани за веру «вознесли Европу на степень счастья», если тогда «влияние веры Иисуса Христа» привело к действиям «разительным и чудесным», доставившим Европе «сущест-

³ Там же, стр. XVI.

⁴ И. Бутовский и. Указ. соч., стр. XVIII, XIX, XXIII.

⁵ Там же, стр. XVII, XIX, XX, XXI, XXVIII, XXIX.

⁶ Там же, стр. XX; ср. стр. XXVII—XXVIII: «Первые крестовые походы имели высочайшую и единственную в духе христианства цель: освобождение гроба господня, освобождение града, где родился, жил и совершил подвиг искушения нашего божественный основатель Веры Христианской».

⁷ Там же, стр. XXIII.

⁸ Там же, стр. XX.

⁹ Там же, стр. XXI.

¹⁰ Там же, стр. XXIII—XXIV.

¹¹ Там же, стр. XXIV—XXV.

¹² Там же, стр. XXV, XXVIII.

венное преимущество пред прочими частями мира», то священные брани текущего столетия «довершили ее блаженство»¹³.

Как видно из статьи Бутовского, идея издания сочинения Мишо была подсказана переводчику в первую очередь, если не исключительно, политико-пропагандистскими соображениями: ознакомление русского читателя с историей крестовых походов XI—XIII вв. должно было, по замыслу Бутовского, явиться своеобразным идеологическим средством укрепления ортодоксально-религиозных и главным образом верноподданических настроений «россиян» в эпоху Священного союза и удущения им европейских революций. Конечно, труд Мишо, в большой мере проникнутый реакционными настроениями, вполне мог служить этим целям.

Опубликование в русском переводе монографии Мишо преследовало вместе с тем и еще одну важную политико-пропагандистскую цель: возвеличив войны, предпринимавшиеся под знаменем креста не столько в отдаленные времена, сколько совсем недавно, проложить путь к идейно-политическому оправданию предстоявших новых, столь же «священных», предприятий, замышлявшихся тогда в российских верхах, — теперь уже на Юге Европы и на Ближнем Востоке¹⁴. Дважды упоминает Бутовский в своей статье о странах, еще и «по сию пору пораженных горестию и поруганным величайшими злодеяниями Мусульманина»¹⁵. Сперва, рассуждая о величии Европы, якобы обретенном ею в результате «священной брани» и распространения повсюду евангельской веры, он пишет, что теперь этот «исполин евангелия», Европа, «обязанная всем вере своей, со смирением преклоняет чело пред одним лишь всемогущим и не дрогаеет более при виде *Варвара, кораном и мечом вооруженного*» (курсив Бутовского. — М. З.)¹⁶. С большей определенностью автор возвращается к этому вопросу несколько далее, ханжески-патетически распространяясь о печальной участи Балканского полуострова, еще ожидающего «единоверных освободителей», о «горестных столах несчастных еллинов» и т. п.: «Душа османов расвирепела и злодействует ужаснее самой моровой язвы; они льют кровь как воду; кривые сабли чалмоносцев косят потомство *Великих* (т. е. греков; курсив автора. — М. З.), и пальце той страны солнце уже не успеваеет осушатъ точащейся крови христиан. Пески Фракии и Эллады превратились в червленую топь; поля багреют там истерзанными трупами греков; головы их падают, подобно осеннему листу, и вопли несчастных, слившись с ревом их палачей, приводят в содрогание и самую природу. Но крест торжествовал не в последний раз. . . Прейдут казни, и гордые оплоты Оттоманов навсегда погразнут в пролитой ими крови»¹⁷.

В этих словах звучит недвусмысленный, хотя и скрытый, призыв к войне против Турецкой империи. «Освободительные» планы, с которыми, как известно, носился Александр I уже во время Венского конгресса и в ближайшие после него годы, замышляя, по словам А. Дебидура, «крестовый поход против турок»¹⁸, заранее оправдывались в статье Бутовского религиозными мотивами. Таким образом, публикация монографии Мишо с добавлением оригинального толкования крестовых походов, сделанного в соответствии с политическими целями царизма, в конечном итоге предназначалась и для разжигания враждебных настроений в отношении Турецкой империи, для идеологической подготовки новых антитурецких войн, затевавшихся под лозунгами освобождения единоверцев от ига «чалмоносцев».

Еще до того как было завершено русское издание монографии Мишо, в 1835 г. вышел из печати первый труд по крестовым походам, принадлежавший отечественному историку. Это была книга известного автора гимназических учебников, писателя-самоучки Ивана Давыдовича (Даниловича?) Ертова «История крестовых походов для освобождения Иерусалима и Святой земли из рук неверных»¹⁹. Довольно пухлое по объему (около 400 страниц) сочинение Ертова, однако, было лишено в сущности всякого самостоятельного научного значения. Содержание его, а сплошь да рядом и самый текст были почти целиком заимствованы из уже упомянутого перевода монографии Ж. Ф. Мишо. Автор дал себе лишь труд несколько сократить произведение французского историка, оставив без каких-нибудь серьезных изменений как данное им изложение фактического материала, так и его общую концепцию истории крестовых

¹³ Там же, стр. XXVIII—XXX.

¹⁴ Небезынтересно, что свой перевод Бутовский посвятил одному из видных представителей высшей военно-дворянской знати, — генералу А. П. Ермолову, а печаталась книга в типографии «Главного штаба его императорского величества».

¹⁵ И. Бутовский и. Указ. соч., стр. XXXIII.

¹⁶ Там же, стр. XXXI.

¹⁷ Там же, стр. XXXVII—XXXIX.

¹⁸ См. Э. Лависс и А. Рамбо. История XIX века, т. 3. М., 1938, стр. 169.

¹⁹ Полное название книги таково: «История крестовых походов для освобождения Иерусалима и Святой земли из рук неверных, выбранная из Всеобщей истории Ивана Ертова». СПб., 1835.

походов²⁰. В свете сказанного работа Ертова, являвшаяся простой компиляцией, может представлять для исследователя преимущественно антикварный интерес.

Знаменательно, однако, что независимо от весьма малой степени самобытности труда Ертова и крайне незначительной глубины его проникновения в историю мотивы написания этой работы и некоторые свойственные ей тенденции отнюдь не были порождены авторской прихотью. Ертов происходил из буржуазной семьи: его брат М. Д. Ертов был состоятельным петербургским купцом, удостоенным за свои услуги властям предрежащим высоких званий и наград²¹. Сам историк принадлежал к той категории консервативных по убеждениям российских ученых николаевской эпохи, которые верой и правдой служили царизму. Недаром В. Г. Белинский в свое время с едким сарказмом отзывался об учебных пособиях по всеобщей истории, составлявшихся авторами этого рода. Белинский называл эти руководства безобразными и бессмысленными компиляциями²², осмеивал косность взглядов их составителей, узорность их исторического кругозора, а равно и верноподданническую тенденциозность писаний, поставившихся ими для нужд просвещения подрастающего поколения в духе «самодержавия, православия и народности»²³. Среди авторов подобных книг великий критик отмечал и Ертова, правда, смягчая обычную резкость в оценках ввиду несколько своеобразного положения Ертова, как человека недостаточно образованного²⁴.

Все перечисленные нами обстоятельства явственно сказались на рассматриваемой работе И. Ертова. Она предназначалась, по собственным словам историка, и для простых читателей, и для людей «более образованных». У первых автор собирался «возбудить любопытство», вторым же намеревался «доставить сведение о состоянии Иерусалима и Палестины во времена прошедшие»²⁵. Эти намерения Ертова безусловно стояли в определенной связи с политическими устремлениями самодержавия на Ближнем Востоке, отчетливо проявившимися уже в первое десятилетие царствования Николая I (Анкерманский договор с Портой 1826 г., русско-турецкая война 1828—1829 гг., Адрианопольский трактат 1829 г., высадка десантного корпуса на берегах Босфора, Унклар-Искелесский договор с Портой 1833 г. и т. п.), с одной стороны, и с охранительной внутренней политикой самодержавия, покоившейся на пресловутой трехчленной формуле, — с другой. Стремление Ертова нарисовать историю крестовых походов, хотя бы в виде сокращенного и слегка измененного варианта Мишо, приспособленного для просветительно-пропагандистских целей официальных кругов России, было подсказано теми же соображениями, которые вызвали тогда к жизни сочинения, вроде анонимного «Путешествия ко Святым местам» (1830) и подобной ему православно-ортодоксальной литературы. Такие сочинения открыто преследовали цель — и Ертов не напрасно с похвалой отзывається о «Путешествии», называя его «совершенным и назидательно написанным», — в возможно более трогательных тонах изобразить, «в каком виде находится сия несчастная страна (Палестина. — М. З.) в наше время»²⁶, и таким образом дать в руки пропагандистского аппарата царизма убедительные аргументы в пользу его агрессивной политики на европейском Юго-Востоке и на Ближнем Востоке,

²⁰ О методах переработки произведения Мишо, примененных Ертовым, дает достаточное представление он сам в «Предупреждении» к своей книге: «Сведущие читатели заметят, что мое сокращение (sic! — М. З.) Истории крестовых походов (речь идет о книге Мишо. — М. З.), особенно первая глава и почти вся первая часть, извлечено из перевода г. Бутовского. Такое присвоение чужого труда (sic! — М. З.), несмотря на все сокращения, изменения и дополнения, давшие совершенно иной вид целому творению, может почесться непозволенным. И хотя немного стоило бы мне труда сделать другой перевод занятым из Мишо происшествиям или переменить слог в русском переводе, отбросив некоторые славянские выражения, и таким образом устранить от себя всякие нарекания, но я лучше соглашусь признать в займе (sic! — М. З.), нежели уклоняться от оною какими бы ни было изворотами» (И. Ертов. Указ. соч., стр. VII—VIII).

²¹ Свою книгу И. Ертов и посвятил этому брату — С.-Петербургскому 1-й гильдии купцу, почетному гражданину и кавалеру, на средства которого она, по-видимому, была напечатана, о чем автор намеком упомянул в посвящении («в изъявление благодарности за оказанное благодеяние»).

²² В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 491.

²³ См. в кн.: С. А. Асиновская. Из истории передовых идей в русской медиэвистике (Т. Н. Грановский). М., 1955, стр. 32—34.

²⁴ В одном из отзывов на работы Ертова по всеобщей истории Белинский указывал, что они «писаны человеком неученым, чуждым даже литературного образования. Их язык неправилен, воззрения довольно ограничены» (В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. V, стр. 487). Эта оценка с известными уточнениями может быть отнесена и к его «Истории крестовых походов».

²⁵ И. Ертов. Указ. соч., стр. VII.

²⁶ Там же.

иначе говоря, обеспечить прикрытие этой политики высшими побуждениями — ссылками на притеснение христиан магометанами и пр.

Ертов ставил перед собой задачи, аналогичные указанным. Своей историей крестовых походов он стремился обосновать ближневосточную политику самодержавия, подведя под нее определенную историко-философскую базу. Вместе с тем мотивы, продиктовавшие историку его труд, были обусловлены желанием этого преданнейшего сына православной церкви утвердить историческими доводами ее морально-политические позиции в качестве служанки российского самодержавия, всецело освящавшей его внутреннюю и внешнюю политику. В особенности важно было, с точки зрения Ертова, показав читателю давность и силу борьбы христиан с «неверными» за обладание святыми местами, установить, каким образом и почему именно Запад потерпел неудачу в этой борьбе в момент ее наибольшего напряжения, т. е. в эпоху крестовых походов. Монография Мишо, проникнутая церковными и монархическими тенденциями, в общем подходила для этих целей: достаточно было лишь немного «перекрыть» и несколько сжать содержащийся в ней фактический материал, приспособив его к потребностям и уровню русского читателя. Это оказалось делом не очень сложным²⁷.

Нетрудно было придать и нужные оттенки ее концепции. Резюмируя изложение истории Первого крестового похода, Ертов, основываясь на соответствующих рассуждениях Мишо, пишет: «Хотя сей поход заслужил от многих писателей порицание, но надобно согласиться, что оный более делает чести роду человеческому, нежели другие великие предприятия, которым мы удивляемся в истории народов. . . По крайней мере завоевания Кира, Александра, римлян, Атиллы и всех прошедших завоевателей, которых мы знаем по истории, . . . основываются по большей части на личном своекорыстии и властолюбии и на угнетении народов, ни в чем не виновных перед ними; напротив того, главнейшее побуждение к крестовому походу состояло в благочестии и в освобождении угнетенных христиан и града господня из рук неверных»²⁸. В другом месте своего труда, подводя итоги повествованию о судьбах Иерусалимского царства и его падении в 1187 г., Ертов высказывает уже своеобразное осуждение крестовых походов, но, разумеется, с «истинно православной» точки зрения: «Нужно ли было, — вопрошает он, — усердие христиан в завоевании Святого града, когда и весь мир создан единым словом всеотворившего?» И отвечает: «Истинная обязанность человека состоит в укрощении внутреннего врага, страстей наших, и в подчинении их власти духовной, чему ясный пример видим в страданиях нашего Спасителя»; крестоносцы же, «неверно понимая сие божественное правило и не изгоняя внутреннего врага из сердца, понесли в Палестину удовлетворять любимой страсти своей к сражению. Но как сия страсть, так и все, вмешавшееся в крестовые походы, были против чистой христианской нравственности, то и не удивительно, что всевышний творец не изъявил особенного благоволения своего на дела крестоносцев, и предоставил предприятия их обыкновенному течению дел человеческих»²⁹.

Главная мысль автора пробивается сквозь толщу всех этих наставительных словесных хитросплетений довольно явственно: священные войны западных крестоносцев не были богоугодным делом, ибо участниками их руководили неукротенные страсти, чуждые «чистой христианской нравственности»; именно поэтому Иерусалимское царство досталось в конце концов врагам христовой веры. Мораль из этого рассуждения напрашивалась сама собой, хотя у Ертова и хватило такта не формулировать ее в обнаженном виде. Мораль эта, вытекающая из всего контекста его квазифилософских, подернутых мистической дымкой умствований, выглядела бы, скорее всего, так: если не западным крестоносцам, слишком охваченным низменными человеческими страстями, то кому же суждено в будущем утвердить христианство в его колыбели? Конечно, тем историческим силам, которые действуют в соответствии с принципами «чистой христианской нравственности», т. е., разумеется, православной церкви и ее союзнику — самодержцу российскому.

Верноподданническое и ортодоксально-православное осуждение крестоносной эпопеи с еще большей четкостью выступает в обобщающих рассуждениях Ертова, завершающих книгу. Отметив, что все надежды практического порядка, возлагавшиеся западными христианами на крестовые походы, «на деле почти не исполнились», Ертов следующим образом объясняет это обстоятельство: «Обманутые надежды на безусловную помощь божию доказали крестоносцам. . . , что они имеют ошибочное представление о вере и что все подобные предприятия должны располагаться на лучших, верней-

²⁷ Сокращая текст Мишо, Ертов постоянно оговаривался: «Мы умолчим о многих подробностях, незанимательных для русских читателей» (указ. соч., стр. 73); «мы умолчим о частных завоеваниях крестоносцев в Сирии и о соглашениях их с некоторыми эмирами» (там же, стр. 97); «мы умолчим о тех неважных внутренних и внешних делах, которые остались без последствий» (там же, стр. 173) и т. п.

²⁸ И. Е р т о в. Указ. соч., стр. 132—133; ср. М и ш о. Указ. соч., стр. 598—603.

²⁹ И. Е р т о в. Указ. соч., стр. 276; ср. М и ш о. Указ. соч., ч. 1, стр. 14.

ших правилах». Таков, собственно, по Ертovu, один из основных уроков крестовых походов. Хотя западные христиане и проявили в них великое «усердие к делу божьему», оно было, однако, ошибочным по своим корням, а потому привело к неудаче всех крестоносных предприятий³⁰.

Таким образом, первое сочинение о крестовых походах, вышедшее из-под пера русского историка, не отличалось ни самостоятельностью, ни глубиной суждений. Будучи в основном переложением труда Мишо, вернее, вариантом той его части, которая была переведена на русский язык за 13 лет до этого, оно явилось лишь своеобразным, впрочем, довольно бледным, отражением известных политико-пропагандистских тенденций официальной России середины 30-х годов XIX в., политическим целям которой это сочинение и предназначено было содействовать.

История крестовых походов продолжала привлекать внимание отечественных историков и в 40-х годах. В 1845 г. была опубликована «Краткая история крестовых походов»³¹ — перевод одноименного немецкого издания (без автора), напечатанного в известной популярно-исторической серии Ф. фон Раумера «Всеобщая историческая карманная библиотека» в начале 30-х годов. Автором этого перевода был протоиерей Ф. Ф. Сидонский³², бывший преподаватель богословия и философии Петербургской духовной академии, отстраненный от этой должности за вольномыслие. Издавая книгу, как он сам писал в «Преуведомлении» к ней, переводчик исходил из того, что «обширное творение г. Мишо... по самой уже обширности своей не всякому может быть доступно». Кроме того, он учитывал скудость отечественной литературы по крестовым походам. Книга, по замыслу Сидонского, предназначалась в качестве пособия для «юных читателей»: по его собственным словам, он стремился «труд сей сделать сколько можно более полезным отечественному юношеству»³³. На самом деле и по своему объему (360 страниц), и, главное, по содержанию «Краткая история крестовых походов» выходила далеко за рамки пособия, призванного служить лишь дополнительным чтением для подрастающего поколения. Поскольку книга в основе своей является переводной, здесь не место для ее разбора по существу. Однако в плане изучения отечественной историографии крестовых походов в работе Сидонского заслуживают быть отмеченными по крайней мере два момента: а) выбор сочинения для перевода и б) способ его обработки.

Что касается выбора оригинала, то эта книга принадлежала перу безымянного немецкого историка протестантского толка. Относительно же характера работы, выполненной Сидонским, надо заметить, что эта книга была им не только переведена, но и подвергнута основательной дополнительной обработке. Принимая в расчет, с одной стороны, что он «имел пред собою труд, не тесно связанный с именем автора», а с другой, что «в разработке истории крестовых походов в новейшее время, особенно на немецком языке, исследования значительно подвинулись вперед», Сидонский осуществил по сути дела авторизованный перевод. Он «не отличил исправлений своих от повествования подлинника» и включил в текст последнего соображения («пояснения»), почерпнутые, как указывает сам Сидонский, из других сочинений немецких историков («переводчик почел себя вправе и даже обязанным воспользоваться некоторыми из сих пояснений и принял оные в текст»)³⁴.

Сопоставление перевода с оригиналом и с теми трудами немецких историков, перечень которых приведен в приложении к книге³⁵, показывает вместе с тем, что, во-первых, не все из них были использованы Сидонским: определенно можно сказать, например, что он не был знаком с исследованием Г. Зибеля «История Первого крестового похода» (1841), хотя оно и фигурирует в указанном перечне. Во-вторых, не исключено, что переводчик дополнил «пояснения», заимствованные из других работ по крестовым походам (Шпальдинга, Геерена³⁶, Вилькена³⁷), своими собственными соображениями: это относится прежде всего к оценкам различных событий крестовых походов,

³⁰ И. Е р т о в. Указ. соч., стр. 374—375.

³¹ «Краткая история крестовых походов». Перев. с нем. СПб., 1845.

³² Он подготовил свой труд, видимо, еще в конце 30-х годов, но не отдал его печатать, поскольку в то время профессором Московского университета М. П. Погодиным стало осуществляться издание всего раумеровского собрания («Карманная историческая библиотека»). Когда выяснилось, что Погодин не намерен доводить до конца задуманное предприятие, Сидонский опубликовал свой перевод отдельно, спустя уже несколько лет после его выполнения. См. об этом В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч., т. IX, стр. 56—57.

³³ «Краткая история крестовых походов», стр. VI.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 357.

³⁶ S p a l d i n g. Geschichte Königreichs Jerusalem. Berlin, 1803; A. H. L. H e e r e n. Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa. «Vermischte historische Schriften», Bd. II. Göttingen, 1821.

³⁷ F. W i l k e n. Geschichte der Kreuzzüge, 7. Bd-e. Berlin, 1807—1832.

к характеристике их причин и следствий, подчас не совпадающим ни с текстом оригинала, ни с текстом трудов указанных авторов. «Краткая история крестовых походов» в какой-то мере, надо полагать, отражала и собственные воззрения Сидонского, и может, следовательно, рассматриваться местами как самостоятельное произведение русского автора, — разумеется, с большими ограничениями.

Во всяком случае для идейной направленности работы Сидонского показательно, что его «Краткая история», в отличие от трудов прокатолических авторов, была сплошь да рядом окрашена в весьма реалистические тона, в результате чего изложение событий крестовых походов значительно отличалось в ней как от церковно-монархической в своей основе компиляции Ертова, так и от ее проникнутого апологетическими тенденциями оригинала, т. е. от тех книг, по которым средний русский читатель до того времени только и был знаком с историей крестовых походов.

Следуя построениям протестантской историографии, Сидонский считал крестовые походы политическим, а не религиозным предприятием. Он видел в них порождение преимущественно хитрой и своекорыстной политики римских пап: для них «эти войны, которые привыкли именовать (sic! — М. З.) священными»³⁸, служили, по его мнению, лишь средством отделаться от многих государей, опасных папскому «самовластью», иначе говоря, средством к увеличению влияния, силы и преобладания апостольского престола над светской властью³⁹. В противоположность другим книгам на данную тему, известным к тому времени русскому читателю, «Краткая история» нисколько не идеализировала крестоносцев: она рисовала облик этих хищных захватчиков с крестом на плече в достаточно неприглядном виде. Сидонский не стеснялся в резких эпитетах по отношению к рыцарям («тупоумные вассалы этих тупоумных баронов»⁴⁰), обличал «корыстолюбие, высокомерие и жадность большей части предводителей бесчестными поступками»⁴¹. Определяя характер крестовых походов, Сидонский прямо писал: «Можно смело протестовать против мнения, что крестовые походы были свободным делом одного религиозного одушевления европейцев и что этим необдуманном предприятиям можно усвоить характер дела богоизбранного»⁴².

Новый оттенок вносил Сидонский и в трактовку вопроса о последствиях крестовых походов. Если консервативные романтики (католики и протестанты в равной мере) приписывали им различные улучшения в последующей жизни европейского общества, рассматривая самые походы либо как религиозные войны, либо как папские предприятия, то Сидонскому те же положительные, в его понимании, последствия крестовых походов в самой своей основе рисовались по-иному. Он ставил проблему на философский фундамент и прилагал к данному конкретному историческому явлению диалектическую меру — принцип единства и борьбы противоположных начал в истории, истолковывая его, конечно, идеалистически. Свою точку зрения на последствия крестовых походов Сидонский формулировал в следующих, может быть, несколько наивных, но четких по своей диалектической сущности выражениях, заключающих его «Размышления о крестовых походах», которыми заканчивается книга: «Тогда как взор философа раздражается и око его слезит при взгляде на картину ненависти и бесчеловечия, какие представляют в крестовых походах; тогда как он проклинает эту жестокосердную политику и непреклонное честолюбие, которые цвет европейских народов поставили под меч турок, его душа снова утешается созерцанием времен, последовавших за крестовыми походами. Он не может не порадоваться тому добру, которое возникло из сего самого избытка зла»⁴³. Допуская известную переоценку исторического значения крестовых походов, Сидонский не заходил так далеко, как некоторые западно-европейские исследователи, например Шуазель д'Айкур или Геерен. Правда, и Сидонский считал, что в результате этого движения «дух свободы приобрел большие победы над феодальным порядком», произошло освобождение городов в Италии, Франции, Германии, а «в Испании собрание кортесов составляет образчик представительного уложения позднейшего времени»⁴⁴ и т. д. Но он не сбрасывал со счета и другие, внутренние факторы, «которые содействовали этому всеобщему усовершенствованию гражданского состояния в Европе». Более того, Сидонский даже склонялся к мысли, что «деятельность. . . , которая овладела городами Запада, могла бы произвести те же следствия, хотя бы не было крестовых походов»⁴⁵, — тезис, который по сути дела в какой-то степени подрывал преувеличенное представление о значении крестоносного движения. Наконец, рассматривая явления, представлявшие ему последствиями крестовых походов, главным образом «развитие человеческого духа», освобождение

³⁸ «Краткая история крестовых походов», стр. 354.

³⁹ Там же, стр. 13 сл., 20 сл., 27, 331—332 и др.

⁴⁰ Там же, стр. 35.

⁴¹ Там же, стр. 56—57.

⁴² Там же, стр. 331—332.

⁴³ Там же, стр. 354—355.

⁴⁴ Там же, стр. 349.

⁴⁵ Там же, стр. 354.

народов от «невежества и суеверия, которые воспящают всему доброму»⁴⁶, и пр., Сидонский дал несколько необычную для своего времени оценку роли духовенства в этих сдвигах в жизни средневекового Запада. Он решительно отвергал распространенное в литературе представление о церкви как хранительнице и ревнительнице просвещения в средние века⁴⁷. В противоположность этому мнению, Сидонский отстаивал мысль, что аббаты и монахи были скорее душителями культуры, а «новейшие элементы просвещения», сложившиеся после крестовых походов, «развились и образовались никак не под содействием духовенства»: Сидонский с возмущением пишет о «толпах праздных» монахов и о «невежестве духовных»⁴⁸, он признает, что духовенство нельзя считать «восстановителем наук и искусств в Европе»⁴⁹.

Несомненно, воззрения такого рода, проводившиеся в «Краткой истории», делали ее, несмотря на то, что это все же была формально переводная работа, в некотором смысле выдающимся явлением в отечественной литературе о крестовых походах. Недаром труд Сидонского вызвал восторженный отзыв В. Г. Белинского: он называл сочинение прекрасным и высказывал мысль о том, что «из его (Сидонского. — М. З.) перевода вышла книга едва ли не лучше подлинника, книга умная, проникнутая мыслью, замечательным единством воззрения»⁵⁰. Работа Сидонского свидетельствует о том, что в зарождавшейся отечественной литературе о крестовых походах сразу же, пусть пока еще слабо, завила и прогрессивная струя: консервативные идейно-политические тенденции, отчетливо дававшие себя знать в историко-пропагандистских работах (Бутовский) и компиляциях, основанных на реакционно-романтических переводных сочинениях (Ертов — Мишо), стали встречать отпор со стороны историков, пытавшихся осмыслить крестовые походы с позиций, существенно отличных от ортодоксальной церковности, а порой и прямо направленных против нее. Впрочем, передовая историческая мысль пробивала себе дорогу в этой области не столько в специальных сочинениях историков, сколько через другие каналы — прежде всего в историко-критической литературе.

Здесь в особенности привлекают внимание очень интересные высказывания В. Г. Белинского о сущности крестовых походов. Уже в своей ранней рецензии середины 30-х годов на одну из книг Ертова по всеобщей истории он причислял крестовые походы к «важнейшим явлениям» средневековой истории Европы⁵¹. Позднее, в 1844—1845 гг., Белинский снова обратился к этой теме: один раз — в рецензии на учебник С. Смарагдова по новой истории, вторично — в отзыве на «Краткую историю крестовых походов» Сидонского. В последней рецензии Белинский дал относительно развернутое (в рамках журнальной заметки) изложение своих взглядов на события войн западного рыцарства за овладение Восточным Средиземноморьем в XI—XIII вв. Не являясь историком-профессионалом и, тем более, не занимаясь вплотную крестоносными сюжетами, Белинский, тем не менее, благодаря своим прогрессивным мировоззренческим позициям, силою научной интуиции сумел несравненно глубже постичь действительные корни крестовых походов и дать им гораздо более близкую к истине оценку, нежели иные современные ему историки, — и не только отечественные, но и зарубежные.

Самый интерес «нейستового Виссариона» к истории крестовых походов не был случайным. Он был обусловлен обстоятельствами, прямо противоположными тем, которые вызвали появление работ Бутовского или Ертова, а именно — сознанием необходимости выявить несостоятельность ходячих консервативных концепций официальной историографии, заполнявших, к стати, и тогдашнюю учебную литературу⁵²: ведь произведения, содержавшие эти концепции и выходявшие из-под пера казенных историографов (Кайданова и др.), так или иначе служили целям тех реакционных политических сил России, против которых Белинский вел беспощадную идейную борьбу, — самодержавия и православной церкви, главных столпов феодально-крепостнической системы.

Первостепенной задачей при изучении крестовых походов Белинский считал отказ от предвзятого подхода к событиям XI—XIII вв., обусловленного профессиональными или политическими соображениями. Высоко оценивая перевод Сидонского, критик ставил ему в заслугу прежде всего то, что он смотрел на крестовые походы «глазами современной науки, глазами чистого разума, не увлекаясь никакими предубеждениями, ни фанатическими, ни рациональными»⁵³. Другое достоинство книги этого свободомыслящего богослова Белинский усматривал в правдивом описании западных крестоносцев и их деяний: автор книги, подчеркивал рецензент, «яркими красками изображает невежество, своекорыстие, разврат, неверие, смешанное с диким фанатиз-

⁴⁶ «Краткая история крестовых походов», стр. 349.

⁴⁷ См., например, М и ш о. Указ. соч., ч. 1, стр. 621 сл.

⁴⁸ «Краткая история крестовых походов», стр. 340 сл.

⁴⁹ Там же, стр. 343.

⁵⁰ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч., т. IX, стр. 59, 57.

⁵¹ Там же, т. V, стр. 488.

⁵² См. С. А. А с и н о в с к а я. Указ. соч., стр. 31 сл.

⁵³ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собр. соч., т. IX, стр. 57.

мом, зверство, жестокость и кровожадность рыцарей гроба господня, равно как и не скрывает превосходства мусульман над христианами в чувстве нравственности и гуманности»⁵⁴. В этих строках выразилась вся полнота ненависти Белинского к религиозному фанатизму, служившему орудием реакционных сил как в далеком прошлом, так и в близком великому критику настоящем. Решительно осуждая фанатизм средневековых рыцарей-крестоносцев, вдохновлявшихся католическими церковниками, Белинский косвенно метил в современную ему изуверскую практику православной церкви, которая благословляла крепостнический гнет в России и освящала политический паразитизм на Востоке, прикрывавшуюся лозунгом защиты христианства от мусульман.

В своей статье о книге Сидонского «неистовый Виссарион» стремился вскрыть подлинную сущность крестовых походов: он разоблачал низменные цели их участников и клеймил эти «священные войны» с позиций революционно-демократического просветительства. Белинский писал поэтому о крестовых походах как о «великом, странном, огромном, диком, фантастическом и сумасбродном событии, вполне достойном невежества и варварства средних веков»⁵⁵. Конечно, подобная точка зрения еще не позволяла подойти к истории крестовых походов с подлинно научных позиций, но она во всяком случае открывала несравненно более широкие возможности для выявления истинного характера этих войн средневековья, чем православный или любой другой профессионально окрашенный консерватизм в трактовке данной проблемы. В этом смысле воззрения Белинского, переключившиеся с лучшими традициями западноевропейских просветителей XVIII в. в оценке крестовых походов, сами по себе означали принципиальный шаг вперед в развитии отечественной историографии крестовых походов.

Для взглядов Белинского в этой связи чрезвычайно характерно стремление нацелить специалистов-историков на изучение действительных предпосылок, существа и значения крестовых походов. Белинский считал неудовлетворительной, в частности, традиционную трактовку крестовых походов как религиозных войн. Ополчаясь на фактологические по своему характеру школьные руководства, столь распространенные в его время, критик писал: «Каким образом историк расскажет верно, например, о крестовых походах, не входя в суждение о смысле и значении этого великого события? И много ли узнаем мы от него, если он скажет, что крестовые походы начались в XI столетии, продолжались до XIV и сопровождался такими-то и такими-то обстоятельствами? Нет, мы захотим еще знать, почему крестовые походы могли занимать Европу только до XIV века? И почему они сделались уже совершенно невозможными в XV и следующих столетиях? Если историк ответит нам, что то было религиозное время, мы спросим его, почему же религиозное движение, которое в XI веке произвело крестовые походы, почему то же самое религиозное движение в XVI веке произвело реформацию?»⁵⁶

В России времен Белинского не было историков, которые могли бы удовлетворительно разрешить поставленные им проблемы. И сам Белинский, не ставший, как известно, последовательным материалистом в объяснении исторического процесса^{56а}, в своих суждениях о некоторых аспектах крестовосной тематики тоже не был свободен от ошибок. Так, опираясь на гегелевские представления об историческом прогрессе, который, как полагал критик, «не прерывается даже в эпохи гниения и смерти обществ, ибо это гниение необходимо, как приготовление почвы для цвета новой жизни»⁵⁷, Белинский, несомненно, переоценивал место крестовых походов в истории: он усматривал в них важнейший фактор духовного раскрепощения Европы от пут средневековья⁵⁸. Ошибка Белинского в оценке значения крестовых походов вполне естественна. Этот вопрос был в те времена совершенно не разработан в научной литературе, а в плане методологического традиционная трактовка проблемы, восходящая еще к Шуазелю д'Айкуру и Г. Геерену, не могла не казаться критику весьма заманчивым подтверждением его общеисторических взглядов.

Тем не менее взятые в совокупности высказывания Белинского о крестовых походах ярко свидетельствуют о том, что в процессе преодоления распространенных представлений в этой области, происходившем на основе прогрессивных, революционно-демократических установок, в его работах был сделан принципиальный отход от консервативно-идеалистических концепций в понимании сущности крестовосного движения.

Именно эти концепции, однако, оставались преобладающими в отечественной исторической литературе.

В конце 40-х и в особенности в 50-х годах интерес к крестовосным сюжетам резко усилился. Непосредственным внешним толчком к этому послужило новое обострение

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, т. VIII, стр. 273—274.

^{56а} См. А. М. Деборин. Об историзме воззрений В. Г. Белинского. ВИ, 1962, № 3, стр. 56.

⁵⁷ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. VIII, стр. 287.

⁵⁸ Там же, т. IX, стр. 57.

международных отношений на Ближнем Востоке. В 1850 г. возник русско-французский дипломатический спор из-за ключей от гроба господня: Луи Бонапарт (впоследствии Наполеон III), выражавший агрессивные устремления крупной буржуазии Франции и стремившийся упрочить ее позиции в Турции, а заодно и поднять свой собственный престиж в глазах католического духовенства, служившего важной опорой бонапартизма в стране, потребовал закрепить «святые места» в Палестине за католической церковью. Это требование было направлено против России, поскольку царизм давно уже добивался утверждения своего господства в Константинополе, над проливами, а также в некоторых других областях, подвластных тогда Османской империи. Вышние военно-феодалные и буржуазные слои России стремились вытеснить оттуда своих западноевропейских соперников — французских и английских капиталистов. Царизм, потерпевший неудачу в своих расчетах на полюбовный раздел Османской империи с Англией, стал открыто искать поводов к войне: Турции были предъявлены русские притязания на ключи от гроба господня. Николай I потребовал не только передачи «святых мест» православной церкви, но и предоставления России права вмешиваться в судьбы православного турецкого населения, т. е. большинства подданных султана. Под давлением западных держав турецкое правительство отклонило эти притязания. Более того, указом султана в начале 1853 г. христианские святыни в Иерусалиме и близлежащих местах были переданы в распоряжение католической церкви. Вскоре вспыхнул русско-турецкий конфликт, а в конце 1853 г. разразилась Восточная война. Николай I двинул войска и флот против Турции. В 1854 г. в войну вступили ее союзники — Англия и Франция. Официальная пропаганда поспешила тотчас обосновать политику самодержавия религиозными доводами. В правительственной и близкой к ней печати российский монарх изображался бескорыстным защитником православной веры и православных как в Константинополе, так и в Палестине. Для подкрепления этого тезиса была мобилирована самая разнообразная аргументация, в том числе и историческая. История священных войн XI—XIII вв. также была привлечена идеологическими защитниками внешней политики самодержавия. Их усилиями крестовые походы получили в отечественной историографии выгодное ему, хотя и крайне далекое от истины, толкование.

Самым ранним медиевистическим откликом на постепенно назревавший международный политический кризис явилась магистерская диссертация П. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе. . .», опубликованная в 1849 г.⁵⁹

Она не имела сколько-нибудь существенного значения в исследовательской разработке проблем крестовых походов и получила отрицательную оценку знаменитого русского историка Т. Н. Грановского⁶⁰.

Книгу Медовикова пронизывала политическая тенденция явно консервативного свойства: идеалистически рассматривая крестовые походы как «великую брань» между христианством и исламом, Медовиков едва ли не впервые в русской литературе сформулировал тезис о вине Запада перед христианством. Политический смысл этой идеи заключался в косвенном оправдании притязаний царизма на Ближнем Востоке накануне Крымской войны.

Гораздо более ярким образчиком фальшивой по своей сути интерпретации истории крестовых походов, предпринятой в целях исторического оправдания позиции российских правящих слоев в восточном вопросе, является серия историко-публицистических статей Г. Титова, помещенных в газете «Русский инвалид» в 1854 г. (№ 127—128 и 131—132) и напечатанных затем отдельной брошюрой под характерным названием «Крестовые походы и восточный вопрос»⁶¹. Концепция истории крестовых походов, которую отстаивал Титов, вкратце такова. Хотя крестоносцы Первого похода и освободили Палестину от рук «неверных», христианский Восток напрасно «от всего сердца приветствовал своих избавителей»⁶². Крестоносцы, как вскоре выяснилось, пришли в святыне места «не для спасения, а для истребления православной церкви». Православ-

⁵⁹ П. М е д о в и к о в. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. См. разбор ее в нашей статье (ВВ, IV, 1951, стр. 172 сл.).

⁶⁰ Т. Н. Г р а н о в с к и й. Латинская империя. Соч., т. 2. М., 1856. Рецензия написана в 1850 г. Критикуя освещение Медовиковым истории завоевания Византии рыцарями Четвертого крестового похода, Грановский считал важным, в частности, выявить «числительное отношение выставленных с обеих сторон сил» (крестоносцев и греков в 1203—1204 гг. — М. З.): «в источниках находится несколько цифр . . . , которые показывают, что в начале войны крестоносцам грозила большая опасность, чем грекам» (там же, стр. 144). В работе Медовикова этот вопрос, правильное решение которого могло бы дать, по мнению Грановского, ключ к пониманию причин гибели Византии в 1204 г., был обойден полным молчанием. Не коснулся диссертант и некоторых других проблем, постановки которых требовала самая тема его работы, например о географических границах раздела Византии между Венецией и остальными крестоносцами (там же, стр. 148).

⁶¹ Г. Т и т о в. Крестовые походы и восточный вопрос. СПб., 1854.

⁶² Там же, стр. 1.

ный Восток был принесен «в жертву властолюбия римского двора»⁶³. Явно смещая историческую перспективу, Титов утверждает, будто главная цель всех крестовых походов состояла в подчинении православной церкви папскому Риму. Западные крестоносцы, которым восточные христиане выразили было доверие, оказали «радушный прием», отнесясь к ним, как к своим «братьям», отплатили за все это черной неблагодарностью, встав на путь жестоких гонений против православия⁶⁴. Но, продолжает Титов, на страже православной церкви стоял сам господь бог. Он не мог допустить и не допустил, чтобы западные христиане надолго утвердились в Сирии и Палестине, а тем более — в Константинополе. Ведь в этом случае православная церковь «принуждена была бы или скрыться в пустыне от мнимых своих защитников, или соединиться с церковью римскою, принять столь чуждые ей латинские догматы и подчиниться главенству папы». А это привело бы к пагубным последствиям и для судеб России, которая, по мысли автора, есть дочь греческой церкви, передавшей «нам весь свой дух», «все сокровища чистейшей христианской мудрости»⁶⁵. Итак, небесный промысел разрушил планы Запада: крестовые походы, несмотря ни на численность и храбрость их участников и вождей, ни на временные успехи рыцарей, ни на продолжительность предпринимавшихся ими усилий, потерпели крах, поглотив «лучший цвет рыцарства, миллионы храбрых воинов и несметные сокровища европейских государств»⁶⁶.

Всецело объясняя плачевный для Запада исход крестоносных экспедиций волей небесного отца, Титов развивает весьма казуистичную и, думается, даже с самой ортодоксально-православной точки зрения неубедительную теорию относительно исторической роли мусульманских народов в судьбах православия. Исходный пункт этой теории заключается в представлении о том, что главным врагом истинной, т. е. православной, веры христовой и восточной церкви — ее хранительницы — искони являлась римская церковь, Запад. Именно для защиты православной церкви от войн, грозивших ей со стороны Запада, господь бог «двинул из глубины Азии крепких сынов Измаила» — сельджуков — и «повелел им положить руку на христианский Восток». Так, по Титову, мусульманам было самим богом предназначено служить оплотом православной церкви против Рима, заслоняя ее «от преобладания и лжедогматов церкви римской»⁶⁷. Запад, однако, не уразумел промысла божьего и поднялся на крестовые походы, дабы погубить православие. За это дерзкое намерение воспоследовала справедливая кара: крестоносное рыцарство на Востоке было разгромлено, в чем «сын православной церкви во всей ясности не может не видеть так знакомой и так близкой ему руки божественного основателя благодатного царства на земле»⁶⁸.

Противоречивость и искусственность этого надуманного историко-теологического построения усиливается еще больше в последующих рассуждениях автора, где он пытается продолжить намеченную им линию исторического развития, совершаемого согласно промыслу божьему, доведя ее до событий современной ему Восточной войны. По воле небесного отца турки и в дальнейшем, полагает Титов, выступали в качестве вернейшего оплота православия против Запада. Когда Византия стала клониться к упадку, божественный промысел снова «повелел тем же сынам Измаила» стать на ее страже и «занимать мало-помалу все ее области». Более того, даже захват Константинополя османами в 1453 г. был, по мнению историка, делом рук божьих. Правда, иго неверных принесло страшные бедствия церкви христовой, но эти бедствия, как считает Титов, сами по себе еще не составляли ала. Ведь под властью турок сохранялось в чистоте главное сокровище церкви — вера. Не будь четырехсотлетнего господства Турецкой империи на христианском Востоке, последний «сделался бы добычею Запада», а «православная восточная церковь неминуемо подверглась бы его влиянию». Владычество мусульман «совершенно устраняло эту опасность» — и в этом заключалось его благо⁶⁹.

Смысл и подоплека всех этих, казалось бы, довольно отвлеченных по своему характеру историко-религиозных рассуждений, очевидны. Титов склонен идеализировать даже турецкое иго, но с позиций защитника православия — опоры паризма. Он противопоставляет господство османов на Востоке невыносимой для истинного сына православной церкви перспективе утверждения там владычества римской церкви. Все что угодно, пусть даже янычары, только бы не еретический Запад — вот, собственно, основное ядро титовской концепции, без особого труда улавливаемое в его высказанных рассуждениях о неисповедимых путях божественного промысла. Турецкое владычество, заявляет Титов, явилось добром для православия: турки оградили его от влияния западных лжедогматов.

⁶³ Там же, стр. 2.

⁶⁴ Там же, стр. 3.

⁶⁵ Там же, стр. 5 сл.

⁶⁶ Там же, стр. 9.

⁶⁷ Там же, стр. 10—11.

⁶⁸ Там же, стр. 10.

⁶⁹ Там же, стр. 11—12.

Ненависть к буржуазному Западу, которому в середине XIX в. в значительной степени уже служила римско-католическая церковь, настолько ослепляла этого шовинистически настроенного историка, что он приписывал божественному промыслу не только четырехсотлетнее турецкое владычество в Юго-Восточной Европе, но даже татаро-монгольское иго на Руси. Татаро-монгольские завоеватели, по мысли Титова, заслуживали Русь «от влияния Запада в продолжение двух с половиною веков» — в этом их историческая заслуга. Историк вовсе не чужд понимания того, что монгольское иго преградило «вход в наши пределы успехам просвещения и образованности, столь быстро развивавшихся в остальной Европе», но это обстоятельство не смущает Титова. Гораздо важнее, по его мнению, другое: подчинив Русь, монголы обезопасили ее «от тех политических и религиозных переворотов, которые впоследствии распространились по всему Западу и нисколько не коснулись богами охраняемой России»⁷⁰. Охранительная тенденция этого построения достаточно отчетлива.

Как видим, Титов обратился к истории крестовых походов лишь для того, чтобы представить восточный вопрос в его историческом развитии как вопрос чисто религиозный, т. е. исторически подкрепить доводы официальной пропаганды самодержавия. Сущность восточного вопроса — «не в материальных . . . выгодах или невыгодах, о которых так хлопочет политика западных держав и которых вовсе не имеет теперь в виду великое наше Отечество»: в Восточной войне для Российской монархии речь идет лишь о «торжестве истины над вековыми заблуждениями». Война эта — «дело чисто божье»⁷¹. Она имеет своей задачей отстоять священные права православного Востока там, где десница господня «насадила и утвердила» православную церковь, «сохранила ее во всей целостности среди мрака и тревожений языческого мира, среди волн крестовых походов и под тяжким игом мусульман»⁷². Так ссылками на превратно толкуемые им исторические события средневековья Титов оправдывает внешнюю политику царизма, бравшего на себя в середине XIX в. роль защитника гроба господня. Главное оправдание он находит для нее в том, что никогда еще православный Восток «не находился в такой опасности от чуждого ему влияния Запада, в какой находился в последнее время и особенно теперь»⁷³.

Брошюра Титова представляет собой выразительное свидетельство того, каким образом повышение интереса к истории крестовых походов в России в период Восточной войны сказалось в политической публицистике реакционного, православно-охранительного толка. В книжке Титова крестовым походам было дано намеренно ложное, одностороннее, надуманное толкование; их история была использована автором брошюры для того, чтобы подвести историческое обоснование под политику царизма: завоевательные устремления правительства Николая I на Ближнем Востоке были объявлены олицетворением воли вседержителя, во все времена, начиная с крестовых походов, защищавшего православную церковь от западного нечестия. Антинаучная трактовка крестовых походов, данная Титовым, являлась логическим развитием тех косных идей, которые уже ранее намечались в большей или меньшей степени в работах некоторых консервативно настроенных отечественных историков. В брошюре Титова реакционно-охранительная тенденция, пронизывавшая их произведения, получила наиболее откровенное выражение.

В конце 40-х и в самом начале 50-х годов в русской исторической науке прозвучал, однако, и другой голос — голос медиевиста, который во все более сгущавшейся атмосфере николаевского режима в большой мере сохранял научную трезвость при анализе и оценке событий далекого прошлого, не принося историческую истину в жертву своим политическим симпатиям и антипатиям. Это был профессор Московского университета Т. Н. Грановский (1813—1855). Знаменитый историк-просветитель, по праву считающийся основателем русской медиевистики, не разрабатывал, правда, специально проблемы истории крестовых походов. Ему принадлежат лишь отдельные высказывания и наблюдения в этой области. Они собраны в двух его работах: в докторской диссертации «Аббат Сугерий», изданной отдельной книгой в 1849 г., и в публичной лекции «Лудовик IX», прочитанной в Университете в 1851 г. и составляющей часть исследования, известного под названием «Четыре исторические характеристики». Несмотря на то, что ряд соображений по отдельным вопросам истории крестовых походов, высказан здесь Грановским лишь попутно, в связи с рассмотрением основных тем, занимавших в данном случае историка, однако они представляют большую ценность, особенно если учесть преобладание в отечественной литературе первой половины XIX в. консервативных концепций крестоносного движения.

В высказываниях Грановского прежде всего заметна одна черта, резко отличающая его произведения от большинства ранее упомянутых работ, — глубокое знание источников. Свои выводы Грановский почти всегда строит на материале хроник. Наблю-

⁷⁰ Г. Титов. Указ. соч., стр. 20.

⁷¹ Там же, стр. 21.

⁷² Там же, стр. 22—23.

⁷³ Там же, стр. 23.

дения, сделанные по поводу Второго крестового похода в «Аббате Сугерии», основаны на изучении свидетельств таких французских летописцев, как Одо Дейльский, Годфруа, автор Жизнеописания Бернара Клервоского, монах Гийом, биограф Сугерия, Матвей Парижский. Рисуя события Седьмого и Восьмого походов в «Лудовике IX», Грановский опирается на известия Жана Жуанвила и некоторых других хронистов.

Самая оценка Грановским крестовых походов отличалась большой реалистичностью. Грановский был в общем чужд того ложного пафоса, с которым подчас описывались крестовые предприятия, и последствия их он рассматривал в связи с тем действительным влиянием, которое те или иные из этих «священных войн» оказывали на Запад. В «Аббате Сугерии» Грановский совершенно справедливо указал на пагубные для политического развития Франции результаты Второго крестового похода. Историк резко противопоставил недалёковидного французского короля Людовика VII, поспешившего отозваться на клич Бернара Клервоского и отправиться в Палестину исключительно ради того, чтобы, как полагал Грановский, «смыть с себя грехи, навлекшие на него церковное проклятие»⁷⁴, государственному деятелю, преданному идее централизации королевства, аббату Сугерию, выступившему «противником предприятия, которое он рассматривал с точки зрения государственного мужа»⁷⁵. Грановский отмечает основательность опасений Сугерия, высказывавшихся им накануне похода. Действительно, «Второй крестовый поход дорого стоил Франции. Цвет ее народонаселения отправился в Палестину. . .». «Благочестивая цель не оправдала пред современниками жестоких средств», примененных королем для получения денег, необходимых войску крестоносцев: «Ропот был всеобщий», в особенности вследствие того, что по отбытию на Восток рыцарского ополчения подняли голову крупные феодалы, стремившиеся ликвидировать достигнутые ранее результаты централизаторской политики Капетингов⁷⁶. Конечно, в суждениях Грановского о Втором крестовом походе были и свои слабые стороны: так, он явно переоценивал значение агитационной деятельности Бернара Клервоского⁷⁷. Однако этот и некоторые другие недостатки, вытекавшие из идеалистического мировоззрения историка, отступают в его суждениях о событиях 1146—1147 гг., проикнутых реализмом, на второй план.

В еще большей степени сказанное относится к наблюдениям Грановского о крестовых походах в целом, сформулированным в лекции о Людовике IX. В некоторой степени они как бы перекликаются с оценками, данными крестоносному движению В. Г. Белинским. Как и последний, Грановский старался осмыслить крестовые походы в качестве закономерного порождения определенного периода средневековья. Не являясь ученым историко-материалистического направления, Грановский, естественно, не сумел преодолеть идеалистического понимания крестовых походов, однако он самым решительным образом отвергал попытки объяснять крестовые походы действием исключительно или преимущественно религиозных причин. Он признавал значение последних, но отводил по крайней мере равное и место в возникновении крестовых походов социально-политическим факторам, характеризовавшим жизнь различных прослоек феодального общества на Западе в XI—XIII вв. «Это движение, — говорил Грановский, — носит двойной характер: с одной стороны, оно было вызвано преобладанием религиозного чувства, с другой, современным состоянием европейского общества»⁷⁸. Развивая эту дуалистическую и в основе своей, конечно, идеалистическую концепцию, Грановский, тем не менее, уделял основное внимание раскрытию реальных исторических обстоятельств, породивших крестоносное движение. При этом он рельефно оттенял различие и даже противоположность практических побуждений, толкавших к участию в походах представителей различных общественных прослоек феодальной Европы⁷⁹. В особенности примечательно толкование Грановским причин крестоносных выступлений сельских и городских низов. Историк, на протяжении всей своей научной и профессорской деятельности всегда интересовавшийся судьбами народных масс и сочувственно относившийся к их борьбе против крепостнического и всякого иного угнетения в прошлом и настоящем⁸⁰, сумел разглядеть в крестоносном порыве низов западноевропейского общества их протест против тяжелых условий жизни: «Горожане и вилланы, — указывал Грановский, — уходили от феодального гнета»⁸¹. Трактовка мотивов, определявших участие в крестовых походах феодальных сеньоров и католического духовенства, не была у Грановского столь отчетливой и несла на себе отпечаток некоторых ошибочных представлений историка о феодализме. Следуя взглядам, ши-

⁷⁴ Т. Н. Грановский. Соч., т. 1. М., 1856, стр. 355—356.

⁷⁵ Там же, стр. 357.

⁷⁶ Там же, стр. 358 сл.

⁷⁷ Там же, стр. 356.

⁷⁸ Там же, стр. 442.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ См. С. А. Асиновская. Указ. соч., стр. 52 сл.

⁸¹ Т. Н. Грановский. Соч., т. 1, стр. 442.

роко распространенным в европейской средневековой историографии, он исходил из противопоставления феодалов и королевской власти как двух антагонистических сил⁸².

Зато весьма выразительно характеризовал Грановский причины прекращения крестовых походов: их цели «не были достигнуты. Горько обманутые в своих надеждах народы Запада перестали думать о завоевании Азии и устремили свою деятельность в другую сторону, на другие предметы»⁸³. Эти положения — к сожалению, их у Грановского немного — проливали несравненно более правдивый и яркий свет на судьбы крестовых походов, нежели многочисленные, полные ничего не объясняющих ссылки на волю небесных сил и всякого рода искусственных построений писания консервативных историков. Правда, и в высказываниях Грановского о крестовых походах в «Людвике IX» содержались ложные, идеалистические элементы. К числу причин крестовых походов он относил, например, общую для Европы, хотя и несуществующую «потребность мира и порядка. . .»⁸⁴. Историк давал явно неверное освещение крестоносной деятельности Людовика IX, изображая его неким идеальным рыцарем «христианской правды»⁸⁵, полагавшим «конечной целью войны (речь идет о Восьмом крестовом походе 1270 г. — М. З.) торжество истинной веры и восстановление нарушенного права»⁸⁶. И все же многие суждения Грановского по вопросам крестоносного движения, базирующиеся на строгом анализе текстов средневековых памятников, принадлежат, несомненно, к лучшим в отечественной историографии этой проблемы в XIX в.

Интерес к истории крестовых походов не угас в русской исторической литературе и в ближайшие годы, последовавшие за окончанием Восточной войны. В какой-то степени он продолжал питаться и поддерживаться событиями пред- и послереформенной политической жизни России. Восточный вопрос отнюдь не был снят с повестки дня заключением Парижского мира 1856 г. Российская дипломатия прилагала усилия к тому, чтобы, несмотря ни на что, утвердить позиции самодержавия в качестве покровителя восточных христиан. Кроме того, в 60-х годах последовало наступление царизма в Средней Азии (взятие Ташкента в 1865 г., установление вассалитета Бухарского эмирата и Кокандского ханства в 1868 г.). Все это придавало отнюдь не актуальности изучению эпохи «священных войн» христиан с мусульманским миром в прошлом. Вместе с тем интерес к данной тематике в известной мере все больше и больше приобретал и самодовлеющий, во всяком случае более ярко выраженный, научный характер.

Все это сказалось на тех работах, впрочем, малочисленных, которые публиковались во второй половине 50-х и в 60-х годах, — малочисленных потому, что основное внимание историков и общественных деятелей, обращавшихся тогда к истории средневековья, было почти целиком переключено на проблемы, непосредственно связанные с социальными преобразованиями внутри страны, т. е. с отменой крепостничества. Но все же крестовые походы и в это время не были преданы полному забвению.

В 60-х годах появляются работы академического характера. Примером может служить магистерская диссертация петербургского медиевиста В. А. Бильбасова (1838—1904) «Крестовый поход императора Фридриха II из дома гогенштауфенских герцогов», изданная отдельной книгой в 1863 г.⁸⁷

Два года спустя после ее выхода в свет был опубликован очередной, третий том хрестоматии профессора Петербургского университета М. М. Стасюлевича (1826—1911) «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых»; он был полностью посвящен истории крестовых походов, эпоху которых Стасюлевич считал «временем блестящего и полного развития феодального общества, когда оно успело, наконец, выработать из себя известный исторический тип, цельный, своеобразный, каким был прежде тип греческой и римской образованности, хотя и основанный на началах, прямо противоположных цивилизации древнего мира»⁸⁸. Составитель хрестоматии, отводя целый том (свыше 800 страниц) материалам по крестовым походам, исходил из того, что, по его мнению, хотя они и представляли собой один только «внешний факт», но такой, «который в течение двух веков беспрестанно перерабатывал запад-

⁸² О крестоносных побуждениях светских сеньоров, например, Грановский писал: «Барона манила возможность создать чистое феодальное государство (!? — М. З.), не стесняясь обломками исторических учреждений, уцелевших в Европе». Как известно, Грановский был далек от понимания классовой природы феодального государства. См. С. А. А с и н о в с к а я. Указ. соч., стр. 138.

⁸³ Т. Н. Г р а н о в с к и й. Соч., т. 1, стр. 442.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 447.

⁸⁶ Там же, стр. 449.

⁸⁷ В. А. Б и л ь б а с о в. Крестовый поход императора Фридриха II. СПб., 1863. См. разбор в нашей статье (ВВ, IV, 1951, стр. 173). Подробнее о Бильбасове см. М. А. А л п а т о в. Из истории русской средневековой историографии. ВИ, 1960, № 9, стр. 58—59.

⁸⁸ М. М. С т а с ю л е в и ч. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, т. III. СПб., 1865, стр. XIII.

ное общество и под влиянием которого оно испытало в себе огромный внутренний переворот»⁸⁹. Само по себе подобное представление не являлось ни новым, ни оригинальным, да и вся хрестоматия предназначалась исключительно для педагогических целей: как известно, Стасюлевич считал недостаточным школьное изучение истории только по учебникам и настаивал на приобщении учащихся к подлинным документам изучаемой эпохи⁹⁰. Однако на практике публикация на русском языке значительного числа памятников по крестовым походам выходила за рамки чисто педагогического начинания. По существу такое издание имело и научное значение, поскольку открывало некоторые, хотя и ограниченные, перспективы для документальной разработки крестовых сюжетов отечественными историками, для которых издания подлинников, разрозненные и рассеянные тогда по старинным, сравнительно редким собраниям (у Бонгара, Муратори, Мартэна и др.), сплошь да рядом оставались недоступными.

Значение труда Стасюлевича умалаялось, однако, следующими обстоятельствами. Во-первых, качество самих переводов во многих случаях оставляло желать лучшего. Во-вторых, самый принцип отбора материалов в хрестоматию страдал одним крупным недостатком: наряду и попеременно с отрывками из текстов средневековых летописцев и других подлинных документов (Иерусалимские ассизы, послания папы Иннокентия III и пр.) Стасюлевич помещал фрагменты из работ позднейших исследователей истории средних веков вообще и крестовых походов в частности. В результате получалось совершенно невообразимое нагромождение крайне разновременных и разнородных материалов.

И все-таки издание обширной хрестоматии по крестовым походам являлось определенным шагом вперед в процессе овладения отечественной историографией этой областью истории средневековья. Особенно существенным следует считать то обстоятельство, что Стасюлевич поместил в хрестоматию не только выдержки, иногда довольно обширные, из латинских хроник XII—XIII вв.; он включил в нее также отрывки из сочинений ряда византийских и арабских писателей эпохи крестовых походов — факт, который сам по себе указывает на широкое понимание составителем стоявших перед ним задач. Значение книги Стасюлевича состояло главным образом в том, что она нацеливала русских медиевистов на углубленное изучение истории крестовых походов по первоисточникам, на отказ от составления поверхностных, компилятивных, предвзятых по своим чисто умозрительным концепциям работ, преобладавших во второй четверти XIX в.

Издание третьего тома указанной хрестоматии завершает ранний этап в развитии отечественной историографии крестовых походов, охватывающий в основном вторую треть XIX века. В это время в сравнительно широком кругу представителей различных направлений русской общественной мысли под влиянием отмеченных ранее идейно-политических факторов пробуждается интерес к истории крестовых походов. Однако большинство работ отечественных авторов этого периода носит на себе печать незрелости, часто представляя собой лишь компиляции, составленные на основе трудов западноевропейских ученых. Важнейшие вопросы истории крестовых походов еще остаются исследователями неразработанными. В самом освещении истории крестовых походов преобладают идеалистические по своей методологии, консервативные, феодально-церковные по своему социально-политическому характеру тенденции; отчетливо выявляется стремление многих историков, а также публицистов реакционного толка использовать историю крестовых походов для пропаганды идей самодержавия и православия, а также для оправдания внешней политики царизма в Европе и на Востоке. Лишь отдельные историки прогрессивного направления в своих суждениях возвышались над этим общим сравнительно невысоким уровнем отечественной историографии крестовых походов, высказывая интересные, реалистические взгляды по конкретным проблемам истории крестового движения разной степени важности, подчас резко расходившиеся с официальными церковно-монархическими установками, хотя и далеко не последовательные, базирующиеся тоже на идеалистическом понимании истории. В конце этого периода, главным образом в 50—60-х годах, начинает усиливаться стремление к самостоятельному исследованию крестовых сюжетов по первоисточникам, в связи с чем предпринимаются первые шаги в области их публикации (на русском языке) и изучения.

М. А. Заборов

⁸⁹ Там же, стр. XIV.

⁹⁰ В своей статье «Из истории русской медиевистики» М. А. Алпатов, убедительно характеризуя исторические взгляды Стасюлевича в целом (стр. 55—58), утверждает, между прочим, что он якобы «фактически отрицал» «необходимость обычного школьного учебника» (стр. 57). Это утверждение неточно: Стасюлевич лишь указывал на недостаточность «в деле исторического преподавания ограничиваться одною катехизациею предмета в учебнике. . . Пусть учебники остаются на *своем* (курсив автора. — М. З.) месте, — писал он, — пусть усовершенствуется в них форма катехизации и пусть они делаются более удобными для памяти; но мы нисколько не повредим учебникам, если пополним то, чего недоставало в нашей литературе и чего не могли никаким образом заменить никакие учебники» (М. М. Стасюлевич. Указ. соч., т. III, стр. XIV).